

УДК 279.99(73) + 325.5 + 316.324

К. М. Товбин
А. В. Семичаевский
В. В. Соколов

СТАРООБРЯДЦЫ РУССКОЙ АМЕРИКИ КАК ПРИМЕР СОВРЕМЕННОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА*

В статье анализируется старообрядчество как одно из ярчайших явлений русской традиционной культуры. Актуальность темы современного старообрядчества — в выяснении возможностей адаптации традиционной русской культуры и менталитета к современным светским условиям. Сегодняшние старообрядцы Аляски являются примером приспособления традиционных духовных принципов к условиям пребывания в центре мировой глобализации, вестернизации, научно-технического прогресса и постиндустриализма. Авторы исследования в 2015 г. участвовали в экспедиции к русским старообрядцам Аляски, задача которой заключалась в комплексном исследовании мировоззрения, менталитета, образа жизни аляскинских старообрядцев. Обзор итогов и выводов этой экспедиции приводится в данной статье.

К л ю ч е в ы е с л о в а: старообрядчество; староверы; православие; древлеправославие; эмиграция; диаспора; Россия; США; Аляска; Николаевск; полуостров Кенай; традиционализм; секуляризация; контрсекулярный; община; идентичность; глобализация; адаптация; ассимиляция.

Николаевск, находящийся в центральной части полуострова Кенай (штат Аляска, США), был первым старообрядческим поселением на Аляске, возникшим

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-03-18037-е «Русские старообрядцы в Северной Америке: национальная идентичность в эпоху глобализации».

ТОВБИН Кирилл Михайлович — кандидат философских наук, доцент Южно-Сахалинского института Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, член Российского философского общества, религиовед, культуролог (e-mail: kimito@yandex.ru).

СЕМИЧАЕВСКИЙ Артемий Викторович — специалист Южно-Сахалинской центральной городской библиотеки им. О. П. Кузнецова, журналист (e-mail: arsem-86@yandex.ru).

СОКОЛОВ Валентин Валентинович — независимый специалист, переводчик, журналист (e-mail: falcon8282@mail.ru).

© Товбин К. М., Семичаевский А. В., Соколов В. В., 2016

в 1968 г. [8, 680; 18, 5]. История заселения Аляски староверами подробно отражена Ю. В. Аргудяевой и А. А. Хисамутдиновым [2, 4, 5, 19] и другими исследователями [6, 11]. Поскольку историческая и этнографическая стороны старообрядческой жизни на Аляске изложены более чем подробно, наша исследовательская группа обратилась к культурологической и этнопсихологической сторонам исследования. Однако исторический контекст в нашей работе продолжал присутствовать, и в его рамках нами было сделано определенное открытие. Согласно общепринятой точке зрения, опирающейся как на исторические описания, так и на свидетельства самих староверов [18, 5], инициатива заселения Аляски принадлежала старообрядцам. Но документы, просмотренные и скопированные нами в архиве Alaska Anchorage University, доказывают первичность инициативы совершенно других участников — Толстовского фонда и муниципальных властей боро Кенай Пенинсула, не только пригласивших староверов на новые земли, но и всемерно участвовавших в их переезде и обустройстве. Об этом факте упоминает и Ю. В. Аргудяев [2, 15; 4, 56]. Наша исследовательская группа подтвердила его, работая с архивными материалами. Факт этот — умалчиваемый староверами или неизвестный им — весьма важен, так как дополняет доказательства принципиальной социальной пассивности православных, их тотальную зависимость от государства, даже если речь идет о столь внешне антигосударственном и автономистском тренде, как русское старообрядчество.

В остальном наши исследования носили культурологический и религиоведческий характер. Мы анализировали повседневную жизнь старообрядцев в условиях воздействия на них трех культур: традиционной (древлеправославной), русской и американской. Нашей задачей было выяснить, как сохраняются традиционная русская культура и православная ментальность в условиях американского социокультурного господства.

Следует отметить, что аляскинские староверы — единственные деревенские старообрядцы США, что в некоторой мере обуславливает их особое место в старообрядческой среде Северной Америки. Они переселялись в основном из пригородов Портленда и Вудбёрна (Орегон) в связи с угрозой ассимиляции со светским американским обществом [20, 41]. Николаевск заселялся с 1968 г., первыми насельниками были четыре семьи: Калугины и три ветви рода Мартюшевых. Основным занятием изначально было огородничество, а место фермерства заняли рыболовство и судостроение. Стоит отметить, что сельское хозяйство староверов было несамодостаточным и в Орегоне, и в Бразилии — основной доход давали работа на мебельных фабриках или батрачество на фермах крупных местных землевладельцев. Начало реструктуризации старообрядческого хозяйства было положено еще до переселения на Аляску.

Основным событием в истории старообрядчества Аляски было принятие священства Белокрыницкой иерархии в 1983 г. До этого момента все староверы — выходцы из Бразилии (впоследствии — Орегона) принадлежали к специфическому согласию *часовенных*, «вынужденно» относившемуся к беспоповскому толку [7]. Их принадлежность к беспоповцам обуславливалась не догматической стороной, а психологической — они стали беспоповцами не из-за принятия беспоповской

доктрины, а в силу вымирания дораскольного, благочестивого и не вызывающего сомнений священства. Таким образом, часовенные не разделяли особенностей беспоповской догматики («духовный антихрист», «замирщение», «мирское священство», двойственность в отношении к институту брака) и придерживались поповской мировоззренческой линии, но у них не было собственного духовенства. Из-за отсутствия епископата священства у часовенных также не было, но, в отличие от поморцев или федосеевцев, они не провозглашали наступления «духовного антихриста» и не отрицали саму возможность наличия духовенства, продолжая искать «неповрежденных попов» в разных православных юрисдикциях, старо- и даже старообрядческих. В то же время сходство литургической и повседневной культур часовенных и «классических» беспоповцев (поморцев и федосеевцев) привело к заимствованию первыми у вторых значимых деталей богословского самоопределения и, как следствие, менталитета и поведенческих моделей.

С другой стороны, тема «вынужденного» беспоповства и идея не найденного «потаенного священства» в согласии часовенных (до 1917 г. бывшего самым большим в России) продолжали быть актуальными и всегда решались по-разному. Находясь в Америке в годы холодной войны, часовенные были вынуждены искать духовенство за пределами СССР и нашли для себя вариант в виде Румынской (Браильской) митрополии Русской православной старообрядческой церкви (Белокриницкая иерархия). Выбор обуславливался наличием родственников-поповцев в Румынии; эта же причина повлияла на выбор первого американского священника — *Конрада Фефелова* [18].

Но специфика старообрядческого и, в частности, поповского отношения к таинству крещения привела к серьезному и усиливающемуся со временем расколу в среде николаевских староверов. Румынские поповцы ставили под сомнение правомочность «мирянского» крещения, совершенного над некоторыми николаевцами. Православное богословие допускало бессвященническое исполнение таинства крещения «страха ради смертного», но к личности такого исполнителя предъявлялись весьма строгие требования, а некоторые фундаменталисты, типичные для старообрядческой среды, могли сделать эти требования невыполнимыми. Так, некоторые авторитетные старики были признаны некрещеными, это привело к серьезным скандалам и конфликтам, и, как следствие, только 20 % старообрядцев присоединилось к поповству, остальные остались беспоповцами, но уже принципиальными. Раскол прошел через семьи, затрагивая личные, имущественные, земельные и ментальные интересы. Обычный для староверов догматический склад мышления и унаследованные из России непримиримость и максимализм привели к криминогенной обстановке в Николаевске и вынужденному переселению принципиальных беспоповцев на иные территории Аляски — в первую очередь на юг полуострова Кенай, где возник особый беспоповский социокультурный анклав. По словам некоторых очевидцев тех событий, староверы периодически даже были вынуждены применять огнестрельное оружие. Некоторые николаевцы-беспоповцы переселились на юг, бросив свои дома и земли, — пустующие жилища и ржавые автомобили по сей день напоминают о том расколе.

Поскольку нововозникших поповцев косные часовенные считали еретиками, вопрос о семейной связи с ними стоять не мог. Соответственно, поповское меньшинство не смогло брать женихов и невест в среде староверов не только Аляски, но и Орегона, и даже почти всей Латинской Америки, заселенной в основном беспоповцами [3, 14]. Вследствие этого стали заключаться смешанные браки (это происходит и по сей день) с этническими англо-американцами, мексиканцами, индейцами и аборигенами Аляски, что привело к полному уничтожению русского языка в среде старообрядческой молодежи Николаевска, к отходу от традиционного русского семейного уклада и бытоустройства, к почти повсеместной «американе» как образу жизни. В среде поповцев возникли такие социальные аномии, как запойное пьянство, наркомания, разводы и домашнее насилие. Это можно считать «выхлопами» травматичного перехода из русско-старообрядческого культурного пространства в современное американское. Сегодня посещаемость Никольского храма в Николаевске чрезвычайно мала, богослужения проводятся на церковнославянском языке, который понимается только старшим поколением, поэтому священник вынужден читать проповедь и по-английски. К примеру, наша исследовательская группа полностью отстояла праздничное богослужение на один из важнейших для православных праздников — Покров Богородицы (14 октября); в храме присутствовало лишь около двадцати человек, из которых язык службы был понятен менее чем половине. Мы слышали, как даже чтецы произносили: «Господи, помилуй *найс*». Некоторые прихожане были явными «пришельцами» из иных сред: так, мы видели татуированных латиноамериканцев в русских рубахах. По завершении литургии все прихожане незамедлительно покинули храм, не было никакой совместной трапезы или общения.

Все браки с иноверцами заключаются только в церкви и только после крещения и формального воцерковления брачующихся; однако, по свидетельству священника *Николы Пименовича Якунина* и его брата, старосты села *Виктора Пименовича Якунина*, почти 80 % современных браков заканчиваются разводами.

В повседневной жизни староверы Николаевска повсеместно отказались от сельского хозяйства и занялись рыболовством, которое повлекло за собой многочисленные экономические связи с иноверцами и муниципальными властями. Эти связи со временем все более крепнут, а традиционная старообрядческая артель почти исчезла. Это — второй по важности фактор, обусловивший потерю староверами традиционной идентичности. Моральные дилеммы, повсеместно сопровождающие капиталистическое хозяйствование, трудноразрешимы в родственной среде.

Семейный уклад староверов претерпел значительные изменения. Почти все женщины работают (правда, большая часть — на дому), выстраивая собственную карьеру и формируя собственный вклад в семейный бюджет, — это прямой путь к равноправию и эмансипации, к уничтожению традиционной, домостроевской семейной этики. Почти каждая женщина имеет свой «бизнес», в который не вмешивается супруг, свой автомобиль, круг общения и свое мировидение. Семья, таким образом, строится как современное нуклеарное партнерство, признаком

которого является (помимо вышеупомянутых разводов) малодетность, отличающая молодые семьи от семей старшего поколения.

Все дети старообрядцев обучаются в средней муниципальной школе Николаевска по светской программе, в которую родители, как правило, не вникают. В течение десятилетий объем изучения русского языка постоянно сокращался; в следующем учебном году предполагается полная отмена обучения русскому языку. Юное поколение Николаевска не знает русского языка. И хотя это беспокоит стариков-староверов, но проблема никак не решается.

Для сравнения: старообрядческие сообщества юга Кенайского полуострова, отпочковавшиеся от николаевцев, вполне преуспели в решении подобной проблемы. Там русская речь используется в домашнем обиходе, в общении детей. Функционируют две собственные школы; в этих школах родители контролируют учебный процесс. Отдаленность южнокенайских старообрядческих поселений позволила удалиться и от государственных органов опеки и попечительства. Здесь практикуется патриархальная мораль, в том числе применяются физические наказания детей за использование английского языка вне школы.

Огромное значение для детей и их родителей имеет ювенальная практика в школе Николаевска, более интегрированного в американскую социальную среду. Инциденты выяснения отношений родителей с детьми, за которыми последовал отъем детей органами опеки, стали негативными примерами для всех жителей бывшей столицы старообрядцев Аляски. По этой причине телесные наказания в Николаевске не применяются, и родители, придерживающиеся патриархальной модели воспитания и не сведущие в современной педагогике, лишены способов контроля за подрастающим поколением. Дети существуют в собственной среде (как в гетто крупных городов), родители контролируют только то, что, по их мнению, определяет поведение, — одежду и формальные посещения храма. Это еще одна причина социальных аномий и культурной дезориентации старообрядческого населения Николаевска.

Все заботы о сохранении русской культуры жителей Николаевска взяла на себя учительница русского языка из Хабаровска *Нина Фефелова* (невестка первого николаевского священника), которая на деле занимается только собственным магазином сувениров и экзотики. Некоторые насельники Николаевска возлагают вину за упадок русской культуры лично на Нину Фефелову.

Следует отметить отсутствие торговой этики у русских староверов: при любой возможности они завышают цены, допускают обман, лукавство и давление на покупателя, используют любые возможности для продвижения собственных товаров или услуг (например, превращение стандартного американского почтового отделения в фактический гипермаркет). Солидная, устоявшаяся за столетия культура американского магазина соседствует у николаевских староверов с культурой рынка и ярмарки, унаследованной из провинций России.

Староверы Николаевска полностью копируют у американцев дизайн жилищ, планировку территорий, домашнюю обстановку (включая телевизоры со спутниковыми антеннами, игровые приставки и компьютеры с подключением к Интернету), марки автомобилей и отношение к ним, способы организации

досуга (от барбекю до семейных выездов на пляжи теплых стран). В Николаевске присутствуют, помимо школы, и иные атрибуты американской жизни: почта, водоканал, пожарный участок; регулярные объезды совершает полицейский. За исключением «кафе» Нины Феловой и единственного русского дома, ничто не выдает в этом поселении русскую православную деревню. Даже храм выполнен по внешним лекалам, характерным для протестантского молитвенного дома; в присутствующих в его дизайне элементах православного декора также чувствуется влияние современной американской культуры.

Однако господство «американцы» не мешает староверам и даже их детям одеваться в русские рубахи и сарафаны. Замужние женщины непременно носят отличительный головной убор — *кичку* (весьма упрощенную и оставляющую часть волос открытой). Все мужчины, начиная с юных лет, непременно носят бороды. Впрочем, это также укладывается в американскую мультикультуралистскую логику, приветствующую внешнее своеобразие, которым маскируется тотальная вовлеченность в кредитно-финансовую и хозяйственную системы страны.

Таким образом, Николаевск не имеет ничего общего с русской деревней, тем паче — со старообрядческим селом. Это типичное американское county (автономная община), имеющее большое сходство с постиндустриальным пригородом. Такое положение укладывается в нынешнюю американскую социальную стратегию рурализации, опирающуюся на высочайшее качество североамериканских дорог, автомобилей, оптоволоконных линий и систем спутниковой и мобильной связи.

Несомненно, эти черты, во многом явившиеся следствием вынужденного брачного либерализма поповцев, вызвали отрицательную реакцию со стороны более традиционно ориентированных беспоповцев. Беспоповцы, в силу своей численности, не испытывали проблем ни с семейными, ни с трудовыми связями, поэтому имели возможности для построения своей жизни на более традиционалистических основаниях, затруднявших ассимиляцию в американской среде. После принятия священства некоторыми населенниками Николаевска и последующего усиления криминогенной обстановки многие староверы выехали на юг, в окрестности г. Хомер [10]. До сих пор некоторые представители старообрядческих обществ южного Кеная характеризуют николаевцев как «разбойников», проводя соответствие между принятием священства, упадком русского языка и культуры, смешанными браками, семейным насилием и распространенным в Николаевске пьянством.

Таким образом, вместо адаптации или консервации национальной культуры и религиозного менталитета, имевших место в старообрядческой жизни на чужбине — в Турции, Китае, Бразилии [21], мы увидели почти сплошь ассимиляционные процессы — притом весьма травматичные. Безусловно, в среде аляскинских поповцев и беспоповцев эти процессы весьма различаются; описанию беспоповцев и сравнению этих двух локусов будут посвящены следующие очерки. Ассимиляция, доходящая до нелепой подражательности, и почти полная утрата родной речи и традиционного уклада свойственны поповцам Николаевска-на-Аляске в большей мере, чем их бывшим одноверцам южного Кеная. Причина — в динамической

напряженности и ослаблении негативной идентичности, свойственной «классическим» старообрядцам. Архаичный образ жизни, «воинствующий антиинтеллектуализм» [12], знаменитое старOVERCHESKOE начетничество (в смысле «принципиальное буквоедство») [1], агрессивная патриархальность и тотальное отрицание «грехопадного мира сего» (раскольничество, в смысле «сектанство») — эти детали «классического» древлеправославия всегда являлись сдерживающим механизмом, препятствующим утрате собственной идентичности [16]. Логичным было бы увидеть у старообрядцев Америки образ жизни, напоминающий жизнь амишей или меннонитов. Однако старообрядческая среда Аляски столь быстро модернизировалась и секуляризовалась, что по динамике вовлеченности в «мир сей» заметно обгоняет даже диаспоры современного, новообрядческого православия — греков и сербов. Что же позволило староверам начать столь стремительно ассимилироваться, прикрывая секуляризационные процессы чисто внешней традиционностью? Судя по всему — наша гипотеза еще ждет уточнений — речь идет именно о государственническом векторе православия в целом. Если «византистское» православие — православие Кирилла Александрийского, Иосифа Волоцкого и Димитрия Ростовского — предполагает «душеспасительный» сервилизм в отношении к государству, то древлеправославие («раскольничество») — формат Иоанна Златоуста, Нила Сорского и Аввакума — является «теневым», негативно и критично зависящим от государства, но никак не самостоятельным [17]. Таким образом, для православного христианина государство является одним из важнейших акторов его смыслополагания в земной и даже загробной жизни [15]. Либо подчиняясь «всяким властям от Бога» (Рим., 13: 1–2), либо доказывая отсутствие этой взаимозависимости, строит свою духовную жизнь православный верующий [9]. США подарили староверам иную систему координат, в которой государство сдвинуто на периферию сознания. Оно не может дать огромных и долговременных льгот: так, органы государственной власти поддерживали старообрядческое поселение на Аляске, но затем легко отменили рыболовецкие льготы, что нарушило сложившуюся экономику Николаевска. С другой стороны, частная жизнь гражданина США автономна; государство принципиально не вмешивается в область взглядов и верований, снижая до нуля необходимость сопротивляться ему как «антихристову учреждению». Государство в США строит отношения с отдельным активным индивидом, предлагая взаимовыгодные условия, напрямую зависящие от ментальной секуляризации и автономизации этого индивида. Диаспора для политэкономической системы США представляет интерес, только если выступает как хозяйственный субъект в условиях современной турбокапиталистической экономики. В этом — отличие и от политически выгодного автономизма, на условиях которого проживали староверы в Турции и Китае, и от отстающей аграрной экономики Латинской Америки, давшей возможности для привычного старообрядцам труда и образа жизни.

В связи с конфессиональным отпочкованием от основной старообрядческой среды обеих Америк, насельники Николаевска были вынуждены более интенсивно интегрироваться в экономическую и социальную сферы светских США, что и привело к значимым социальным инверсиям. Напрашивается вывод о зависимости

экономического процветания николаевцев от их постепенной ассимиляции в светском пространстве — возможно, с поверхностным соблюдением старообрядческих традиций.

1. *Адрианова-Перетц В. П.* Старообрядческая литература // История русской литературы. Т. 1, ч. 1 / ред. В. А. Десницкий, Б. С. Мейлах, Л. А. Плоткин. М., 1941. С. 85–99.
2. *Аргудяева Ю. В.* Эмиграция русских старообрядцев-дальневосточников в Китай и Северную Америку // Религиоведение. 2012. № 2. С. 9–20.
3. *Аргудяева Ю. В.* Русские старообрядцы в Южной Америке // Религиоведение. 2014. № 1. С. 76–93.
4. *Аргудяева Ю. В.* Потомки русских казаков-старообрядцев в Турции и Северной Америке // Религиоведение. 2014. № 3. С. 46–61.
5. *Аргудяева Ю. В., Хисамутдинов А. А.* Из России через Азию в Америку. Владивосток, 2013.
6. *Гортер В. Т.* До Бога высоко, до царя далеко! Заметки по итогам путешествия на Аляску // Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях : материалы II науч.-практ. конф. / ред.: С. Г. Ступин, С. В. Мельникова. Иркутск, 2015. С. 152–171.
7. *Злобин А.* Русские барбудос: Старообрядцы часовенного согласия в Уругвае // Старообрядец. 2005. № 33. С. 23.
8. *Калугина С. Г.* Николаевск // Зеньковский С. А. Русское старообрядчество : в 2 т. / ред. В. В. Нехотин. М., 2009. С. 679–685.
9. *Кузнецов Ф. С.* Об отношении древлеправославной старообрядческой церкви к верховной советской власти // Самарское староверие : [сайт]. 2013. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/137-1-0-1208> (дата обращения: 01.06.15).
10. *Моррис Р. А., Моррис (Юмсунова) Т. Б.* Русские староверы на Аляске // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2009. № 10. С. 115–122.
11. *Попова О. В.* Трансформация этнокультурных систем старообрядческих общин в зарубежных странах // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2015. № 7 (182). С. 173–181.
12. *Рябцев А. Ю.* Когда простота хуже воровства. Старообрядческой церкви нужны дискуссии, а не благостная тишина // НГ-Религии. 2007. 7 нояб. С. 17.
13. *Софроний (Липолит), архиеп.* Орегон. Соединенные Штаты Америки // Русь православная. 1999. № 2. С. 6.
14. *Теплоухова М. В.* Восстановление беспоповской старообрядческой общины Приморья: предварительные итоги // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. : Политология. Религиоведение. 2013. № 2 (11), ч. 2. С. 258–269.
15. *Тихомиров Л. А.* Единоличная власть как принцип государственного строения // Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни / ред. О. А. Платонов. М., 2008. С. 9–167.
16. *Товбин К. М.* Пострелигия и ее становление в русском старообрядчестве. М., 2014. С. 78–82.
17. *Товбин К. М.* Концепция «Москва — Третий Рим» в русском православном старообрядчестве. М., 2014. С. 73–75.
18. *Фефелов К. С., свящ., Гашкова Н.* Николаевск на Аляске // Русь православная. 1999. № 2. С. 5.
19. *Хисамутдинов А. А.* Старообрядцы: из России в Америку через Китай // Вопр. истории. 2011. № 7. С. 90–102.
20. *Хисамутдинов А. А.* Русская Аляска и православие. Владивосток, 2015. С. 41.
21. *Шемякин Я. Г., Шемякина О. Д.* Конфессия-изолят как цивилизационная альтернатива // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 110–125.